

Содержание

Без вести пропавший. <i>Перевод В. Азова</i>	3
Случай в теснине Колтера. <i>Перевод А. Рословой</i>	21
Офицер из обидчивых. <i>Перевод М. Лорие</i>	34
Ожесточенная стычка. <i>Перевод А. Рословой</i>	50
Чикамога. <i>Перевод А. Рословой</i>	62
Летающий всадник. <i>Перевод А. Рословой</i>	72
Пересмешник. <i>Перевод А. Рословой</i>	82
Убит под Ресакой. <i>Перевод М. Лорие</i>	91
Три плюс один — один. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	102
Пастух Гаита. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	107
Тайна ущелья Макаргера. <i>Перевод А. Рословой</i>	116
Глаза пантеры. <i>Перевод А. Рословой</i>	126
Неизвестный. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	140
Проситель. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	149
Смерть Хэлпина Фрейзера. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	157
Страж мертвеца. <i>Перевод В. Азова</i>	181
Человек и змея. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	199
Хозяин Моксона. <i>Перевод Н. Рахмановой</i>	210
Проклятая тварь. <i>Перевод А. Рословой</i>	225

Свидетель повешенья. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	238
Беспроволочная связь. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	241
Дорога в лунном свете. <i>Перевод А. Рословой</i>	245
Арест. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	259
У старины Эккерта. <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i> . . .	262
Дом с привидениями. <i>Перевод В. Кулагиной-Ярцевой</i> .	266
Средний палец правой ноги. <i>Перевод В. Азова</i>	272
Галлюцинация Стэли Флеминга. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	286
Часы Джона Бартайна. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	290
Соответствующая обстановка. <i>Перевод Е. Калашиковой</i>	300
Заколоченное окно. <i>Перевод А. Рословой</i>	312
Леди с прииска «Красная лошадь». <i>Перевод И. Архангельской</i>	319
Наследство Гилсона. <i>Перевод Е. Калашиковой</i>	329
Настоящее чудовище. <i>Перевод В. Азова</i>	342
Смертельный диагноз. <i>Перевод А. Рословой</i>	364
Город усопших. <i>Перевод А. Рословой</i>	370
Как чистили корову. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	379
Гипнотизер. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	389
Однажды летней ночью. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	396
Попробуй-ка перейди поле. <i>Перевод Л. Мотылева</i> . . .	399
Возвращение. <i>Перевод Л. Мотылева</i>	403

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Джером Сиринг, рядовой в армии генерала Шермана, стоявшей против неприятеля у горы Кенесо, в штате Джорджия, повернулся спиной к группе офицеров, с которыми он только что разговаривал о чем-то шепотом, перебрался через узкую линию окопов и исчез в лесу. Никто из находившихся в окопах людей не сказал ему ни слова, и сам он ограничился только, проходя мимо них, кивком головы, — но все понимали, что этому храбрцу поручено какое-то опасное дело. Джером Сиринг, будучи простым рядовым, тем не менее в строю не служил; он был откомандирован для службы при главном штабе дивизии и был внесен в списки в качестве ординарца. Понятие «ординарец» включает в себя массу всевозможных обязанностей. Ординарец может быть курьером, писарем, денщиком — всем, чем угодно. Он может исполнять такие обязанности, которые не предусмотрены никакими приказами и военными инструкциями; природа их может зависеть от способностей самого ординарца, от расположения начальства, наконец, просто от случайности.

Перевод. В. Азов

Рядовой Сиринг, не имевший соперников стрелок, очень молодой — прямо поразительно, до чего мы все были в то время молоды, — сильный, умный, не знающий, что значит страх, был разведчиком. Генерал, командовавший его дивизией, не любил слепо подчиняться приказаниям свыше, не узнав расположения неприятеля, даже в тех случаях, когда его часть не была передовым отрядом, а составляла только часть боевой линии армии. Он не довольствовался также сведениями, которые он получал о своем визави обычным путем; он желал знать больше того, что сообщал ему корпусный командир и что могли дать ему стычки между пикетами и застрельщиками. Отсюда и родилась потребность в Джероме Сиринге, с его необычайной отвагой, меткостью в стрельбе, острым зрением и правдивостью. В данном случае полученные им инструкции были несложны: подойти к неприятельским позициям как можно ближе и узнать все, что будет в его силах.

Через несколько мгновений он был уже на линии пикетов; караульные лежали группами по два и по четыре человека за низкими земляными прикритиями; их ружья высывались из-за зеленых веток, которыми они маскировали свои маленькие крепостцы. Лес густой стеной тянулся к линии фронта; он стоял такой торжественный и безмолвный, что только человек с большим воображением мог бы представить себе, что он полон вооруженных людей, чутко прислушивающихся к каждому шороху, и что он таит в себе грозные возможности битвы.

Задержавшись на минуту около пикета, чтобы сообщить людям о данном ему поручении, Сиринг осторожно пополз вперед на руках и коленях и скоро исчез из виду в густой чаще кустарника.

— Только мы его и видели, — сказал один из солдат. — Жаль, что он не оставил здесь свое ружье.

Сиринг полз, пользуясь для прикрытия каждой кочкой или кустом. Глаза его зорко следили за всем, уши улавливали малейший звук. Он дышал чуть слышно, а когда раздавался треск раздавленной его коленом ветки, он останавливался и прижимался к земле. Это была медленная, но нескудная работа: опасность придавала ей интерес, но этот интерес разведчику приходилось скрывать. Пульс у него бился так же правильно и нервы у него были так же спокойны, как если бы он ловил воробьев.

«Кажется, прошло уж много времени, — подумал он, — но я, должно быть, ушел недалеко; я еще жив».

Он улыбнулся своему способу измерения времени и пополз дальше. Минуту спустя он прижался к земле и долго лежал так без движения. Сквозь тесный просвет в кустах он различил небольшую насыпь из желтой глины — это было укрытие неприятельского пикета.

Спустя некоторое время он осторожно, дюйм за дюймом, поднял голову, потом приподнялся на широко расставленных руках, не спуская напряженного взгляда с глиняной насыпи. Через секунду он был уже на ногах, с ружьем в руках, и крупными шагами направился вперед, мало заботясь о том, чтобы

скрыть свое присутствие. Он понял по некоторым признакам, что неприятель покинул этот окоп.

Чтобы убедиться в этом окончательно, Сиринг, прежде чем возвратиться и сообщить такое важное известие, бросился вперед. Перебравшись через линию покинутых окопов и переходя от прикрытия к прикрытию, он вышел в более редкий лес, зорко высматривая, не остался ли здесь кто-нибудь из врагов. Так он дошел до окраин какой-то плантации; это было одно из тех заброшенных, покинутых имений, которых стало так много за последние годы войны; усадьба заросла терновником, заборы были сломаны, дом стоял необитаемый, с зияющими дырами на месте дверей и окон. Окинув все это зорким глазом из-за группы молодых сосен, Сиринг быстро пробежал через поле и сад к маленькому строению, стоявшему отдельно от других на небольшом возвышении; ему казалось, что оттуда легко будет окинуть взглядом большое пространство в том направлении, куда, по всей вероятности, скрылся неприятель.

Это строение, состоявшее из одной комнаты, возвышалось на четырех столбах футов в десять вышины; теперь от него почти ничего не осталось, кроме крыши; пол развалился, балки и доски валялись на земле или торчали в разные стороны, сидя в своих гнездах только одним концом. Столбы, поддерживавшие здание, утратили вертикальное положение. Казалось, что все здание рухнет, если до него дотронуться пальцем.

Скрывшись за переплетенными досками и балками, Сиринг смотрел на расстилающуюся перед

ним открытую местность, которая была видна ему вплоть до отрога горы Кенесо, за полмили отсюда. Дорога, которая вела на этот отрог и через перевал, была покрыта войсками — арьергардом отступавшей армии, — и стволы их ружей сверкали на солнце.

Сиринг узнал теперь все, на что он мог рассчитывать. Долг призывал его как можно скорее вернуться в свою часть и сообщить о своем открытии. Но серая колонна пехоты, взбиравшаяся на гору, представляла собой сильное искушение. Его ружье — обыкновенный «спрингфилд», только снабженный особой мушкой и дальномером, — было способно без всякого затруднения послать в самую гущу врага полторы унции свинца.

Это, конечно, не могло повлиять на длительность или на исход войны, но ремесло солдата в том, чтобы убивать. Сиринг прицелился и положил палец на спусковой крючок.

Но еще с изначальных времен было предрешено, что рядовой Сиринг никого не убьет в это ясное летнее утро и не сообщит своему начальству об отступлении конфедератов. Бесчисленное количество веков события известным образом переплетались между собой в этой удивительной мозаике, некоторым неясным частям которой мы присваиваем название «история». Они переплетались между собою так, что поступки, которые хотел совершить Сиринг, нарушили бы всю гармонию рисунка.

Сила, которой поручено следить за тем, чтобы ткань истории точно соответствовала утвержденному рисунку, еще двадцать пять лет назад приняла свои

меры к тому, чтобы рядовому Сириngu не удалось в это чудное утро спустить курок. Для этого она дала жизнь ребенку мужского пола в маленькой деревушке у подножия Карпат, воспитала его, заботливо следила за его образованием, направила его стремления в сторону военной карьеры и в должное время сделала его артиллерийским офицером. Благодаря стечению бесчисленного количества благоприятных обстоятельств и перевесу их над бесчисленным же количеством неблагоприятных вышеупомянутый офицер совершил нарушение дисциплины и, чтобы избежать наказания, бежал с родины. Он попал (не без участия той же Высшей силы!) в Новый Орлеан (вместо Нью-Йорка), а там, на пристани, его поджидал уже набравший рекрутов офицер. Он вступил в армию, скоро получил повышение, и обстоятельства в конце концов сложились так, что в настоящий момент он командовал батареей южан, стоявшей мили за три от того места, где Джером Сириng, разведчик северян, стоял с оружием наготове. Ничто не было упущено из виду как в обстоятельствах жизни этих двух живых людей, так и в жизни их предков и современников, — и даже в жизни современников их предков, — чтобы желаемый результат наступил. Если бы в этом длинном ряде сцепляющихся событий что-либо было недосмотрено, рядовой Сириng мог бы выстрелить в отступающих южан и, возможно, промахнулся бы. Случилось же так, что артиллерийский капитан, в ожидании своей очереди уйти со своей батареей с позиции, забавлялся тем, что наводил полевое орудие наискось вправо, на гребень холма, где, как ему казалось, он усмотрел не-

сколько офицеров-северян, и наконец разрядил его. Заряд упал значительно выше цели.

В тот момент Джером Сиринг, придерживая курок и глядя на видневшихся вдаль южан, соображал, куда ему нацелиться, чтобы в результате в мире стало больше одной вдовой, одним сиротой или одной осиротевшей матерью, может быть, и всеми тремя разновидностями человеческого горя (хотя рядовой Сиринг и отказывался от повышения, причем неоднократно, его никак нельзя было обвинить в отсутствии честолубия). Вдруг он услышал в воздухе звук, напоминавший шум крыльев хищной птицы, кидающейся на свою добычу. Прежде чем он успел что-либо сообразить, этот шум перешел в какой-то хриплый, ужасающий рев, и снаряд, как будто упавший с неба, с оглушительным шумом ударил в один из столбов, поддерживавших над его головой беспорядочную груды бревен и досок; столб превратился в щепки, и ветхое строение с грохотом рухнуло в туче слепящей глаза пыли!

Когда Джером Сиринг пришел в сознание, он не сразу понял, что, собственно, произошло. Прежде чем он открыл глаза, прошло еще немного времени. Сначала ему показалось, что он умер и похоронен, и он старался вспомнить какие-нибудь подробности погребальной церемонии. Ему казалось, что его жена стоит на коленях на его могиле и это делает землю, которая навалилась ему на грудь, еще тяжелее. Земля вместе со вдовой, наверно, раздавили его гроб. Хорошо, что дети уговорили ее наконец уйти домой, а то ему невозможно было бы больше дышать. Он

почувствовал себя виноватым. «Я не могу говорить с ней, — подумал он, — ведь у мертвецов нет голоса. А если я открою глаза, их засыплет землей».

Он все-таки открыл глаза; безграничный простор голубого неба расстился над верхушками деревьев. На первом плане, загораживая некоторые деревья, возвышался высокий, темный, скошенный каким-то углом холмик, через который проходила целая система беспорядочно переплетенных прямых линий; в центре ее светилось яркое металлическое кольцо; оно светилось на неизмеримо далеком расстоянии — настолько далеко, что эта беспредельность утомила его, и он закрыл глаза. В тот момент, когда он сделал это, он испытал ощущение невыносимо яркого света. В ушах его раздавался шум, похожий на низкий, ритмический звук морского прибоя, и из этого шума, составляя как бы часть его, а может быть, приходя откуда-то издалека, отчетливо выделялись слова: «Джером Сиринг, ты попался, как крыса в ловушку... в ловушку, в ловушку, в ловушку».

Потом вдруг наступило молчание, черный мрак, бесконечное спокойствие, и Джером Сиринг, прекрасно сознававший свое крысиное положение и вполне уверенный в том, что он попал в ловушку, вспомнил все и, несколько не испуганный, снова открыл глаза, чтобы осмотреться, оценить силу врага и составить план своего освобождения.

Он был захвачен в наклонном положении; спина его упиралась в толстое бревно. Другое бревно лежало на его груди, но он сумел отодвинуться немного